Моя любовь носит футболку с 99 номером

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Riri Isv

Моя любовь носит футболку с 99 номером

«Автор»

2026

Isv R.

Моя любовь носит футболку с 99 номером / R. Isv — «Автор», 2026

Я давно научилась жить без него.По крайней мере, мне так казалосьНо однажды моя шестнадцатилетняя внучка нашла старую фотографию.На ней — семнадцатилетняя я. С мечтами, амбициями и наивной уверенностью, что любовь никогда не заставит меня потерять голову.И он.Мальчишка с дерзкой улыбкой и номером 99 на спине.А вскоре судьба, обладающая, как выяснилось, весьма своеобразным чувством юмора, решила, что сорока лет разлуки с нас вполне достаточно.Говорят, первая любовь не забывается.А я вот думаю: что делать, если однажды она возвращается, стоит прямо перед тобой и смотрит теми самыми глазами, от которых когда-то замирало сердце?Убежать? Сделать вид, что не узнала? Или наконец высказать всё, что накопилось за сорок лет?И даЕсли вам кажется, что в пятьдесят семь уже поздно совершать глупости из-за мужчины, — вы просто не знакомы с Леонардо Валенти.Поверьте, я тоже надеялась, что с возрастом он станет менее невыносимым.Как же я ошибалась.

© Isv R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фотографии из прошлого 5
Глава 2. Временная прописка у бабушки 14
Глава 3. Самовлюбленней идиот 17
Глава 4. Двадцать семь вопросов. 23
Глава 5.Билет не на свидание. 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Riri Isv
Моя любовь носит футболку с 99 номером

Глава 1. Фотографии из прошлого

София Ринальди. Наши дни. Турин.

В моём доме было три неизменных правила.

Первое: по воскресеньям вся семья собирается за одним столом.

Второе: никто не уходит голодным.

Третье: если что-нибудь разбилось, виноват обязательно кто-то другой.

Последнее правило соблюдалось особенно тщательно.

— ЭТО НЕ Я!

С первого этажа донёсся грохот, за которым последовал подозрительный звон разбитого стекла.

Я медленно закрыла глаза.

Господи, дай мне терпения.

Только не силы. Силы у меня ещё достаточно, чтобы кого-нибудь придушить.

— ЛУКА! — раздался возмущённый женский голос. — Я ЖЕ ПРОСИЛА ТЕБЯ НЕ ТРОГАТЬ ВАЗУ!

— МАМ, ОНА САМА УПАЛА!

Я усмехнулась.

Разумеется.

Вазы в нашем доме вообще отличались удивительной склонностью к самоубийству. Особенно когда рядом находились мои внуки.

Я сидела в любимом кресле возле большого окна, держа в руках чашку уже остывшего кофе, и наблюдала, как за стеклом медленно опускается октябрьский вечер.

Осень в Турине всегда была особенной.

Она пахла мокрыми листьями, свежим хлебом из маленькой пекарни за углом и кофе, который итальянцы, по моему глубокому убеждению, должны были получать внутривенно сразу после рождения.

Мне было пятьдесят семь.

Пятьдесят семь!

До сих пор не понимаю, как это произошло.

Ещё вчера я бегала по коридорам колледжа с конспектами, мечтала стать великой журналисткой и считала тридцатилетних людей практически пенсионерами.

А теперь сама стала бабушкой, носила очки для чтения и периодически издавала странные звуки, поднимаясь с дивана.

Особенно последнее меня оскорбляло.

Я ведь не старая.

Я винтажная.

Причём дорогая.

— Мам!

В гостиную вошла моя старшая дочь, Алессия, с кухонным полотенцем в одной руке и выражением лица женщины, которая только что проиграла битву с собственными детьми.

— Твой внук разбил вазу.

— Какую?

— Синюю.

Я задумалась.

— Красивую?

— Мама!

— Алессия, я пытаюсь оценить масштаб трагедии.

— Ту, которую тебе подарили на юбилей!

— А-а-а.

Я сделала глоток кофе.

— Ну, тогда не страшно. Она мне никогда не нравилась.

Дочь уставилась на меня.

— Ты сказала, что она великолепная!

— Разумеется. Мне её подарили. Что я должна была сказать? «Спасибо, дорогие, но эта керамическая катастрофа оскорбляет мой интерьер»?

Алессия прикрыла глаза ладонью.

— Иногда мне кажется, что я воспитываю не троих детей, а четверых.

— Не забывай, кто научил тебя пользоваться ложкой.

— Это было пятьдесят лет назад!

— И всё равно никакой благодарности.

Она не выдержала и рассмеялась.

Я тоже улыбнулась.

Боже, как же я любила этот смех.

И этот дом.

И эти воскресенья.

Когда-то я мечтала о совершенно другой жизни.

О бесконечных перелётах, чемпионатах мира, шумных пресс-конференциях, больших интервью и собственном имени на первой полосе спортивных газет.

Я получила всё.

Даже больше, чем смела просить.

Моё имя знали в Италии, Англии, Испании, Германии. Меня приглашали комментировать крупнейшие футбольные события. Молодые журналисты цитировали мои статьи, а некоторые особенно смелые пытались спорить со мной в прямом эфире.

Обычно один раз.

Но ни один стадион мира, ни одна награда и ни одно интервью не могли сравниться с этим шумом.

С голосами моих детей.

Со смехом внуков.

С запахом домашней пасты.

С ощущением, что я нужна не за свои достижения, не за громкое имя, не за умение задавать неудобные вопросы.

А просто потому, что я — мама.

И nonna.

Правда, иногда мне хотелось запереться в ванной с бутылкой вина и табличкой «Ушла в монастырь. Не искать».

Но это уже детали.

— Кстати, — сказала Алессия, направляясь к выходу, — ты не видела Джулию?

— Нет. А что?

— Она опять куда-то исчезла.

Я посмотрела на часы.

— Может, наверху?

— Я её звала.

— И?

— Не отвечает.

— Значит, точно наверху.

Алессия вздохнула.

— Мама, поговори с ней. Она последние дни какая-то задумчивая.

Я чуть приподняла бровь.

— Ей шестнадцать, дорогая. В этом возрасте задумчивость обычно означает либо любовь, либо экзамены, либо то, что родители опять испортили человеку жизнь, попросив вынести мусор.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Дочь ушла.

Я ещё немного посидела у окна, глядя на сад.

В углу возле старой яблони стояла деревянная скамейка.

Марко любил сидеть там по вечерам.

Мой муж.

Мой добрый, терпеливый, невозможный Марко.

Он умер четыре года назад.

Иногда мне казалось, что четыре года — это целая вечность.

А иногда я по привычке поворачивала голову, чтобы рассказать ему какую-нибудь глупость, и только потом вспоминала, что его больше нет.

Вот это было самым жестоким.

Не похороны.

Не пустая половина кровати.

Даже не первая годовщина его смерти.

А привычки.

Маленькие, бессмысленные привычки, которые продолжали жить после человека.

Я до сих пор иногда покупала его любимое печенье.

А потом стояла посреди магазина, держа упаковку в руках, и чувствовала себя самой глупой женщиной на свете.

Марко обязательно посмеялся бы.

Сказал бы:

«София, если уж ты купила печенье, не пропадать же добру».

И съел бы половину.

Я улыбнулась сквозь внезапно выступившие слёзы.

— Ты бы сейчас сошёл с ума от этого шума, amore mio, — прошептала я.

В ответ только зашуршали листья за окном.

Я поставила чашку на столик и поднялась.

Колени предательски хрустнули.

— Даже не начинайте, — предупредила я их. — Мне ещё жить и жить.

И отправилась искать внучку.

***

На втором этаже было тихо.

Подозрительно тихо.

В большой итальянской семье тишина вообще считалась тревожным симптомом.

Либо все уснули.

Либо кто-то что-то задумал.

Я прошла по длинному коридору, стены которого были увешаны фотографиями.

Моя мама в молодости.

Отец возле своего первого автомобиля.

Я с университетским дипломом.

Алессия в день свадьбы.

Мой сын Николо с новорождённым ребёнком на руках.

Младшая дочь Кьяра, смеющаяся на берегу моря.

Марко.

Много фотографий Марко.

На одной он держал меня за талию и целовал в висок.

Я остановилась.

На снимке мне было сорок два.

Мы отдыхали на Сицилии.

Помню, в тот день я ужасно злилась на него.

Он перепутал время экскурсии, мы опоздали на автобус, а потом ещё два часа блуждали по узким улочкам какого-то городка.

Я грозилась развестись.

Он купил мне мороженое.

Я сказала, что мороженым развод не отменить.

Он купил второе.

Мы остались женаты.

Я тихо рассмеялась.

— Хитрый ты был мужчина, Марко.

— Nonna?

Я вздрогнула.

В конце коридора стояла Джулия.

Моя старшая внучка.

Шестнадцать лет, длинные тёмные волосы, большие карие глаза и характер, который, к глубокому сожалению её матери, достался ей от меня.

Впрочем, я считала это генетическим успехом.

— Господи, девочка! — прижала я руку к груди. — Ты решила отправить меня к дедушке раньше срока?

— Я тебя позвала!

— А я задумалась!

— О чём?

— О том, что твой дед был ужасным человеком.

Джулия улыбнулась.

— Дедушка Марко?

— Представляешь, однажды купил мне два мороженых, чтобы я не развелась с ним.

— И помогло?

— Как видишь, ты существуешь.

Она рассмеялась.

Я подошла ближе и заметила, что внучка держит в руках старую фотографию.

Нет.

Не просто фотографию.

Ту самую.

Улыбка медленно исчезла с моего лица.

— Где ты её взяла?

Джулия посмотрела на снимок.

— Она выпала из старого альбома.

Я почувствовала неприятный холодок под рёбрами.

— Из какого?
— Из того, что лежал в твоём кабинете. Я искала фотографии для семейного проекта.
Я молчала.
Джулия осторожно подняла снимок.
На нём была я.
Семнадцатилетняя.
С высоким хвостом, блокнотом в руках и журналистским пропуском на шее.
А рядом стоял мальчишка.
Высокий.
Темноволосый.
В футбольной форме.
Он не смотрел в камеру.
Он смотрел на меня.
И улыбался.
Так, словно в тот момент в мире не существовало ничего важнее.
На его груди был маленький клубный герб.
А на спине...
Девяносто девять.
Я не видела эту фотографию много лет.
Точнее, не позволяла себе смотреть на неё.
Это разные вещи.
— Ты здесь такая молодая, — тихо сказала Джулия.
— Спасибо, дорогая. Я тоже заметила, что сорок лет не прошли бесследно.
Но внучка не улыбнулась.
Она внимательно разглядывала снимок.
— Кто это?
Я сглотнула.
— Футболист.
— Nonna.
— Что?
— Я вижу, что не балерина.
Я невольно усмехнулась.
Господи, она действительно была моей внучкой.
— Его зовут Леонардо.
Джулия опустила глаза на фотографию.
Потом снова посмотрела на меня.
— Подожди...
Я уже знала, что сейчас произойдёт.
У неё медленно округлились глаза.
— Леонардо?..
Я вздохнула.
— Да.
— Леонардо Валенти?!
— Джулия, если ты сейчас закричишь, я официально лишу тебя наследства.
— БАБУШКА!
— Вот. Именно этого я и боялась.
— Ты знала Леонардо Валенти?!
— Нет, дорогая. Мы случайно сфотографировались сорок лет назад, потому что мне не хватало знакомых футболистов.

Она открыла рот.

Закрыла.

Снова открыла.

— Ты... ты встречалась с ним?!

Я отвела взгляд.

В коридоре вдруг стало слишком тихо.

Снизу доносились голоса детей, звон посуды, чей-то смех.

Обычная жизнь.

Моя жизнь.

Та, которую я построила.

Та, которую любила.

И всё же одно имя сумело за несколько секунд открыть дверь, которую я считала давно запертой.

— Да, — ответила я.

Джулия замерла.

— Серьёзно?

Я кивнула.

— Очень давно.

— Но он же...

— Легенда футбола, чемпион, обладатель многочисленных наград, один из самых известных итальянских игроков своего поколения, — перечислила я. — Да, Джулия. Я знаю его биографию. Можешь не проводить мне экскурсию.

— Но ты никогда не рассказывала!

Я посмотрела на неё.

— Не обо всём в жизни хочется рассказывать, tesoro.

Она сразу перестала улыбаться.

В этом Джулия была удивительно похожа на Марко.

Умела чувствовать момент, когда шутки становились лишними.

— Ты его любила? — спросила она тихо.

Я посмотрела на фотографию.

На мальчишку с тёмными глазами.

На его улыбку.

На собственное лицо.

Семнадцатилетняя София на снимке смотрела на него с таким раздражённым выражением, что любой посторонний человек решил бы: эти двое терпеть друг друга не могут.

Как же сильно ошибся бы этот человек.

Я медленно провела пальцем по краю фотографии.

— Да.

Джулия помолчала.

— Сильно?

Я усмехнулась.

— Настолько, что иногда хотелось его убить.

— Бабушка!

— Что? Любовь вообще опасное заболевание. Особенно если объект твоих чувств обладает самомнением размером с футбольный стадион.

Джулия улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— А почему вы расстались?

Вот он.

Вопрос.

Тот самый.

Я сорок лет умела отвечать на любые вопросы.

Почему команда проиграла финал.

Почему тренер допустил ошибку.

Почему великие спортсмены иногда ломаются под давлением.

Но на этот вопрос у меня до сих пор не было короткого ответа.

Потому что он выбрал футбол?

Не совсем.

Потому что его семья была против?

Тоже не совсем.

Потому что мы были слишком молоды?

Возможно.

Потому что иногда люди любят друг друга и всё равно причиняют друг другу такую боль, после которой уже невозможно остаться прежними?

Наверное, ближе всего к правде.

— Мы сделали неправильный выбор, — наконец сказала я.

— Оба?

Я посмотрела на внучку.

— Да, Джулия. Оба.

Она задумалась.

— А дедушка знал?

Моё сердце болезненно сжалось.

Я опустила глаза на обручальное кольцо.

Оно всё ещё было на моём пальце.

— Знал.

— И не ревновал?

Я тихо рассмеялась.

— О, ещё как ревновал. Особенно когда Леонардо забивал голы.

— Почему?

— Потому что я иногда слишком громко радовалась.

Джулия удивлённо посмотрела на меня.

— И что говорил дедушка?

Я улыбнулась, вспомнив его голос.

— Однажды сказал: «София, дорогая, я понимаю, что этот Валенти прекрасный футболист. Но если ты ещё раз вскочишь с дивана с таким криком, я начну подозревать, что ты болеешь не за команду, а за его задницу».

Джулия расхохоталась.

Я тоже.

А потом смех постепенно стих.

— Марко был хорошим человеком, — сказала я.

Голос неожиданно дрогнул.

Я ненавидела, когда это происходило.

За четыре года можно научиться жить с потерей.

Но нельзя научиться не скучать.

— Он был моим мужем. Моим другом. Отцом моих детей. Он знал обо мне больше, чем кто-либо другой. Даже то, что я сама предпочитала забыть.

Я глубоко вдохнула.

— Я очень его любила, Джулия.

— А Леонардо?

Я посмотрела на старую фотографию.

Два имени.

Два мужчины.

Две совершенно разные истории.

— А Леонардо... — Я замолчала. — Леонардо был моей первой любовью.

— И ты его забыла?

Я могла бы сказать да.

Могла бы объяснить, что сорок лет — огромный срок, что люди меняются, что прошлое остаётся прошлым.

Я даже могла бы убедительно это произнести.

В конце концов, я профессиональная журналистка.

Но перед собственной внучкой почему-то не захотелось лгать.

— Нет, — тихо ответила я.

Джулия долго смотрела на меня.

— Даже сейчас?

Я прикрыла глаза.

Передо мной вдруг возник совсем другой коридор.

Шумный.

Солнечный.

Пахнущий свежей выпечкой, дешёвым кофе и юностью.

Разлетевшиеся по полу конспекты.

Чёрная спортивная сумка.

Тёмные глаза.

И голос:

«Извини, я опаздываю!»

Я открыла глаза.

— Даже сейчас.

Снизу снова закричали:

— NONNA! МЫ ЕСТЬ БУДЕМ?!

Я вздрогнула.

— Господи, дай мне сил. В этом доме нельзя даже спокойно вспомнить собственную молодость.

Джулия рассмеялась.

— Расскажешь мне?

Я посмотрела на неё.

— Что именно?

— Всё.

— Джулия, мне пятьдесят семь. За эти годы произошло слишком много всего.

— Тогда начни с самого начала.

Я снова взглянула на фотографию.

На номер 99.

На мальчишку, который когда-то перевернул мою жизнь.

И вдруг почувствовала себя семнадцатилетней.

Глупой.

Упрямой.

Амбициозной.

Совершенно уверенной, что никакой мужчина не сможет отвлечь меня от моей мечты.

Особенно футболист.

Я усмехнулась.

— Хорошо. Но предупреждаю сразу: в начале этой истории я его ненавидела.

— За что?

— За кофе.

Джулия моргнула.

— За кофе?

— Именно.

— Бабушка, ты влюбилась в легенду футбола из-за кофе?

— Нет, дорогая. Из-за кофе я едва не совершила убийство.

Она засмеялась.

Я осторожно забрала фотографию из её рук.

Провела пальцем по выцветшему номеру.

Девяносто девять.

Сорок лет.

Целая жизнь.

И всё равно я помнила, как он произносил моё имя.

— Мне было семнадцать, — начала я. — Я училась на спортивного журналиста, мечтала покорить мир и была совершенно уверена, что мужчины — это лишняя трата времени.

Я посмотрела на внучку.

— А потом один самовлюблённый идиот врезался в меня в коридоре.

И впервые за много лет я позволила себе вспомнить всё.

Не только хорошее.

Не только плохое.

А всё.

Потому что когда-то я была девочкой, которая мечтала написать историю великого футболиста.

И даже не подозревала, что однажды сама станет самой болезненной главой в его жизни.

Глава 2. Временная прописка у бабушки

София.Наши дни. Турин.

— NONNA! — раздалось снизу с такой силой, что я невольно прижала фотографию к груди. — ЕСЛИ ТЫ НЕ СПУСТИШЬСЯ, МЫ СЪЕДИМ ВСЁ БЕЗ ТЕБЯ!

— Попробуйте! — крикнула я в ответ. — Я завещаю дом коту!

— У тебя нет кота! — немедленно отозвался мой сын Николо.

— Значит, заведу! И он будет благодарнее вас!

Джулия смеялась, уткнувшись мне в плечо. Я всё ещё держала старый снимок. Бумага стала мягкой по краям, словно и она устала носить в себе чужую молодость.

— Ты расскажешь? — спросила внучка.

— После ужина. Если твои родственники оставят мне хоть одну порцию лазаньи.

— Я могу спрятать тебе кусок.

— Вот поэтому ты моя любимая внучка.

— Ты всем так говоришь.

— Я опытная женщина. Никогда не отказываюсь от эффективных методов управления персоналом.

Я положила фотографию обратно в альбом, но Джулия заметила, как долго мои пальцы задержались на обложке. Она не стала спрашивать. За это я была ей благодарна.

Внизу пахло розмарином, томатами и слегка подгоревшим хлебом. За столом уже спорили. Николо доказывал, что домашняя паста вкуснее ресторанной, его жена Элена отвечала, что в ресторане хотя бы не приходится потом отмывать кастрюли. Младшая дочь Кьяра пыталась убедить всех, что её новая причёска не похожа на причёску тёти Бьянки. Десятилетний Лука прятал за спиной остатки синей вазы — очевидно, надеялся собрать её обратно силой мысли.

— Садись, мама, — Алессия подвинула мне стул. — И скажи сыну, что он неправ.

— Какому именно? У меня сегодня слишком много претензий к мужскому полу.

— Николо говорит, что секрет хорошего соуса — сахар.

Я медленно повернулась к сыну.

— Ты это серьёзно?

— Мам, совсем немного.

— Марко, — произнесла я, глядя в потолок, — если ты меня слышишь, прости. Я старалась его воспитать.

За столом раздался хохот. Николо театрально схватился за сердце. Лука воспользовался моментом и незаметно передал осколок вазы сестре. Я заметила, но сделала вид, что нет. У меня была журналистская этика. До десерта я не раскрывала источники.

На свободном стуле возле меня никто не сидел. Раньше там всегда сидел Марко. В первые месяцы после его смерти я не могла смотреть на этот стул. Теперь могла. Иногда даже улыбалась, вспоминая, как он тайком подсовывал мне самые хрустящие кусочки картофеля, хотя сам их обожал.

— Мам, тебе добавить? — спросила Алессия.

— Нет, дорогая. Если я съем ещё, завтра меня придётся выкатывать на улицу.

— Ты почти ничего не съела.

Я послушно взяла вилку. Материнская забота — единственная сила, перед которой бессильны и мировая известность, и пятьдесят семь лет жизненного опыта.

Джулия сидела напротив и украдкой поглядывала на меня. Я видела этот взгляд. Не тот, которым подростки просят денег. Другой: сосредоточенный, почти взрослый. Она собиралась что-то сказать и выбирала момент. Я решила не помогать. В нашей семье за ужином всё равно

невозможно выбрать подходящий момент: он либо занят спором о футболе, либо пережёвывает хлеб.

После десерта Джулия поймала мать у раковины. Я стояла у кофемашины и невольно услышала первые слова.

— Мам, можно с тобой поговорить? Без публики.

— Это уже звучит дорого, — заметила Алессия. — Что случилось?

— Ничего. То есть кое-что. Я хочу пожить у бабушки.

Звякнула чашка. Я замерла, не оборачиваясь.

— На выходных? — уточнила Алессия.

— Не только. Несколько недель. Может, месяц.

— Джулия, у тебя колледж, занятия, твои вещи, друзья. Почему вдруг?

— От бабушки до колледжа даже ближе. Я проверила маршрут. И я не убегаю из дома, мам.

— Тогда объясни мне.

Джулия вздохнула. Я услышала, как она отодвинула стул.

— У нас дома всё время кто-то разговаривает за меня. Ты спрашиваешь, почему я грустная, и сама же отвечаешь: экзамены. Папа говорит, что мне нужно больше гулять. Лука ворует зарядку. Я вас люблю. Очень. Но мне хочется немного тишины. И ещё… бабушка одна.

Алессия помолчала.

— Бабушка не беспомощная, Джулия. Она объездила полмира и может одним взглядом заставить замолчать футбольного тренера.

— Я знаю. Я не хочу её спасать. Я хочу с ней побыть. Она сегодня рассказывала о своей молодости, и я вдруг поняла, что знаю её как nonna, но почти не знаю как Софию.

Я крепче сжала ручку чашки.

— Ты уверена, что дело только в этом? — мягко спросила дочь.

— И ещё я хочу написать сильный материал для колледжа. Не о том, сколько голов кто забил, а о том, что остаётся от спорта в жизни людей. Бабушка может помочь мне научиться задавать правильные вопросы. Только я не хочу использовать её как знаменитую фамилию.

Алессия тихо рассмеялась.

— Она бы тебе этого и не позволила.

— Так можно?

— Сначала спросим саму бабушку. И договоримся: учёба не страдает, ты отвечаешь на звонки и приезжаешь домой, когда мы попросим. Это не переезд от нас навсегда.

— Конечно. Спасибо, мам.

Я успела сделать вид, что крайне занята кофемашиной, когда они вошли.

— Мама, — начала Алессия, — у нас к тебе предложение.

— Если речь о том, чтобы забрать к себе Луку, предупреждаю: ваза ещё не оплакана.

— Джулия хочет пожить у тебя некоторое время.

Я посмотрела на внучку. Она стояла чуть позади матери, теребя край рукава. Вдруг показалась совсем маленькой.

— А меня спросить решили? — строго произнесла я.

Джулия побледнела.

— Конечно, nonna, если ты не хочешь…

— Хочу. Но у меня условия.

— Какие?

— Кофе по утрам не трогать. Мой кабинет без спроса не переворачивать. Если приведёшь поклонника, сначала проверю его грамотность и умение мыть посуду.

— Бабушка!

— И ещё одно, — сказала я уже тише. — Не приезжай ко мне из жалости. Я иногда скучаю по дедушке. Но это не значит, что моя жизнь закончилась.

Джулия шагнула ко мне и обняла так крепко, что я едва удержала чашку.

— Я знаю. Просто хочу быть рядом.

Я погладила её по волосам. Когда-то так же обнимала Алессию. Время странная штука: уходит незаметно, а потом вдруг возвращает тебе знакомое движение в чужих руках.

— Тогда приезжай завтра, — прошептала я. — Только предупреждаю: я рано встаю.

— Во сколько?

— Когда захочу. Это главное преимущество моего возраста.

Вечером, когда гости разъехались и дом снова стал большим и тихим, я открыла альбом. Из фотографии смотрел семнадцатилетний Леонардо. Я коснулась его лица кончиком пальца и впервые за много лет не спрятала снимок сразу.

Завтра Джулия попросит продолжения. А я, кажется, впервые буду готова рассказать, как всё началось.

Глава 3. Самовлюбленней идиот

София. Сорок лет назад.

В семнадцать я имела три жизненных принципа: не опаздывать на занятия, не сдавать плохие тексты и не терять голову из-за мальчиков. Третий пункт казался самым простым. Как выяснилось, именно его жизнь и решила проверить на прочность.

Я училась на втором курсе колледжа в Турине по программе спортивной журналистики. Моя семья не была бедной в романтическом смысле этого слова — мы не делили последнюю корку хлеба под дождём, — но деньги у нас умели считать. Папа работал механиком, мама вела бухгалтерию небольшой пекарни. Мой новый диктофон они купили после того, как несколько месяцев откладывали понемногу. Поэтому я берегла его почти так же, как собственные глаза.

В то утро мама поставила передо мной тарелку с тостом.

— Поешь, София.

— Не успеваю.

— Ты говорила это вчера.

— Вчера я тоже не успевала.

Отец выглянул из-за газеты.

— В спортивной журналистике не кормят?

— Кормят. Когда стану знаменитой.

— Тогда постарайся побыстрее, — вздохнула мама. — Я устала кормить будущую знаменитость.

Я чмокнула её в щёку, схватила сумку и выбежала за дверь. На улице пахло холодным асфальтом и горячими булочками. Трамвай ушёл перед моим носом. Я мысленно составила на него жалобу, потом побежала пешком.

В колледж я ворвалась с папкой конспектов, диктофоном и стаканом кофе, купленным вместо завтрака. Через двадцать минут начинался опрос у синьора Ферретти — преподавателя, который умел одним поднятым бровью превратить самоуверенного студента в испуганного первоклассника.

Я повторяла определение репортажного лида, когда за поворотом что-то быстро приблизилось. Вернее, кто-то. Удар плечом, короткий вскрик — и мой кофе красивой коричневой дугой полетел на пол. Конспекты разлетелись, будто их тоже внезапно приняли в футбольную команду.

— Чёрт! — выдохнула я, опускаясь на колени.

— Извини! — услышала сверху.

Я подняла голову. Передо мной стоял высокий парень в чёрной куртке, со спортивной сумкой через плечо. Тёмные волосы были взъерошены, на щеке виднелась маленькая царапина. Красивый, зараза. И, судя по тому, как он посмотрел на часы, совершенно не склонный задерживаться на месте преступления.

— Я опаздываю, — сказал он.

— А я теперь без кофе и с конспектами цвета капучино!

Он наклонился, поднял несколько листов, но из-за поворота окликнули его по имени. Парень протянул мне бумаги.

— Я куплю тебе новый. Обещаю.

— Мне нужен не новый кофе, а чтобы люди смотрели, куда несутся!

— Ты тоже смотрела в тетрадь, — заметил он.

Я раскрыла рот. Вот это наглость.

— Уходи, пока я не написала о тебе разоблачительный материал.

Уголок его рта дрогнул.

— Тогда до встречи.

— Очень надеюсь, что нет!

Он исчез. Я осталась сидеть посреди коридора и собирать листы, чувствуя, как горят щёки. Не от смущения. От справедливого желания стукнуть кого-нибудь папкой.

— Ты знаешь, кто это был? — ахнула подоспевшая Каролина.

— Преступник против образования.

— Леонардо Валенти!

Имя мне было знакомо. Футбол, молодёжная команда, газетные заметки. А ещё фамилия, которую можно было увидеть на фасадах офисных зданий и в деловых разделах газет.

— Поздравляю его родителей, — сказала я. — У них вырос талантливый разрушитель напитков.

Каролина схватила меня за локоть.

— Ты не понимаешь. Это те самые Валенти. Отец — Витторио Валенти, международная группа компаний. Старший брат Алессандро уже запустил собственный бизнес. Сестра Бьянка открывает салоны красоты. А Леонардо…

— …не умеет тормозить, — закончила я.

— У него потрясающая улыбка.

— У дорожного знака «Стоп» пользы больше.

На занятии я села на задний ряд и пыталась спасти конспекты. Каролина писала на полях моей тетради: «ОН ТЕБЯ ЗАПОМНИЛ». Я отвечала: «ПУСТЬ ЗАПОМНИТ СУММУ УЩЕРБА». Мы едва не попались Ферретти. Я получила высший балл за ответ, но весь день чувствовала раздражение: чужой парень сумел испортить мне утро и продолжал незваным гостем возвращаться в мысли.

Недели шли. Я видела Валенти у входа в колледж, в столовой, возле спортивного корпуса. Обычно вокруг него собирались друзья и девушки, говорившие слишком громко. Он смеялся, хлопал товарищей по плечам, иногда выглядел уставшим после тренировки. Один раз я заметила, как он молча помог уборщику поднять тяжёлую коробку. Я тут же напомнила себе, что даже самовлюблённые идиоты способны поднимать коробки.

Весной я сидела с Каролиной в фойе и в шестой раз переписывала начало статьи о молодёжном футболе. Синьор Ферретти вернул черновик с замечанием: «Ринальди, у вас есть наблюдательность. Теперь найдите человека за статистикой». Я была оскорблена и восхищена одновременно. В этом заключался его педагогический метод.

— Он идёт, — прошептала Каролина.

— Кто?

— Валенти.

— Передай ему, что коридор свободен, если он никого не собьёт.

Леонардо подошёл с двумя товарищами и коробкой шоколадных конфет.

— Вы не видели синьору Берти? — спросил он.

Девушки оживились. Кто-то протянул руку к коробке.

— Нам?

— Нет, — спокойно ответил Леонардо. — Она помогла мне подготовиться к экзамену.

— Мог бы поделиться. У тебя денег хватит на ещё десять.

Его лицо едва заметно изменилось.

— Это подарок, — сказал он. — И дело не в деньгах.

Тон был негромкий, но резкий. Один из его друзей начал спорить с девушкой. Разговор грозил превратиться в сцену, которую в Турине потом обсуждали бы минимум до воскресенья.

— Хватит, — сказала я, закрывая ноутбук. — Синьора Берти будет здесь перед третьей парой. А если вы продолжите орать, она сбежит и правильно сделает.

Леонардо повернулся ко мне. На мгновение его глаза сузились, будто он искал в памяти знакомое лицо.

— Кофе, — произнёс он наконец.

— Великолепная дедукция. Перед тобой девушка, а ты вспомнил напиток.

Он засмеялся.

— Я обещал возместить ущерб.

— Не нужно. Я пережила трагедию.

— Как тебя зовут?

— София.

— Леонардо.

— Я знаю. У тебя, к сожалению, очень эффективный отдел рекламы.

Он улыбнулся, и я с раздражением обнаружила, что улыбка действительно замечательная. Не журнальная, не выученная — живая, немного мальчишеская. Я немедленно отвела глаза.

— До встречи, София.

— Желательно на безопасном расстоянии.

Уходя, он обернулся. Я заметила это краем глаза и упрямо продолжила печатать. Каролина смотрела на меня так, словно уже выбирала свадебное платье.

— Даже не начинай, — сказала я.

— Он спросил твоё имя.

— Вежливые люди иногда так делают.

— А ты покраснела.

— Это от возмущения.

— Конечно.

Ненавижу слово «конечно», когда его произносит лучшая подруга.

***

На следующий день он ждал меня возле аудитории. В руках — два стаканчика кофе и бумажный пакет. Я остановилась так резко, что Каролина врезалась мне в спину.

— Доброе утро, — сказал Леонардо.

— Пока не уверена.

Он протянул стакан.

— Без сахара. С небольшим количеством молока.

Я посмотрела на кофе, потом на Каролину. Подруга вдруг чрезвычайно заинтересовалась потолком.

— Ты ему рассказала?

— Он спросил, — пробормотала она.

— Иуда.

— Иуда хотя бы получил серебро, — возразила Каролина. — А мне дали круассан.

Леонардо рассмеялся и протянул мне пакет.

— Там ещё один.

— Я не продаюсь за выпечку.

— Жаль. Я выбрал лучший в городе.

Я взяла кофе. Исключительно из уважения к труду бариста.

— Спасибо. Теперь мы квиты.

— А я думал, познакомились.

Он присел на край соседней парты и посмотрел на мой открытый ноутбук.

— Что пишешь?

— Материал для колледжа.

— О чём?

— О молодых футболистах, которым нужно научиться смотреть по сторонам.

— Значит, обо мне.

— Мир не вращается вокруг тебя, Валенти.

— Пока нет, — сказал он с невозмутимым видом.

Я поперхнулась кофе. Каролина хохотнула так громко, что на нас обернулись.

— Ты всегда такой скромный?

— Только до обеда.

Он попросил посмотреть мой черновик. Я хотела отказать, но он не тянулся к ноутбуку и не настаивал — просто ждал. Я повернула экран. Леонардо прочитал первые строки внимательно, без привычной улыбки.

— Здесь всё правильно, — сказал он. — Но ты пишешь, сколько мы тренируемся. Не пишешь, что чувствуем.

— А что вы чувствуете?

— По-разному. Иногда перед матчем так страшно, что хочется сбежать. А потом выходишь на поле и вдруг понимаешь: вот здесь ты на своём месте.

Я посмотрела на него внимательнее. На мгновение исчезли дорогая куртка, известная фамилия, окружающие взгляды. Передо мной сидел парень, который говорил о любимом деле так, как я говорила о журналистике.

— Почему ты выбрала спорт? — спросил он.

— Потому что счёт никогда не рассказывает всей истории. Один-ноль — это цифры. А мне интересно, почему человек, забивший решающий гол, плачет. Или почему проигравший выходит к болельщикам, хотя может спрятаться в раздевалке.

Леонардо не перебивал. Его взгляд задержался на моём лице дольше, чем требовала вежливость.

— Ты странная, Ринальди.

— Тебе нужно срочно учиться делать комплименты.

— Ты интересная, — исправился он.

И вот это прозвучало неожиданно серьёзно.

После звонка он догнал меня в коридоре.

— Дашь номер телефона?

— Нет.

Он моргнул.

— Почему?

— Потому что мы знакомы примерно на полтора кофе.

— Полтора?

— Первый ты уничтожил.

— Логично. Тогда как мне с тобой связаться?

— Через секретаря колледжа. Напиши официальное письмо с изложением цели обращения.

— И приложить фотографию?

— Лучше справку о том, что не представляешь опасности для горячих напитков.

Он улыбнулся, но на этот раз не стал спорить. Просто проводил меня взглядом.

Вечером Каролина прислала сообщение: «ТВОЙ ФУТБОЛИСТ СПРОСИЛ МОЙ НОМЕР». Я едва не уронила телефон в раковину.

«Он не мой. И зачем ему твой?»

«Чтобы спросить твой. Я не дала».

Я выдохнула.

Через минуту пришло новое: «Но разрешила написать мне, если захочет передать тебе что-то приличное».

«КАРОЛИНА!»

«Что? Я выполняю функции дипломатического представительства».

Так началась самая нелепая переписка в моей жизни. Леонардо писал Каролине, Каролина пересылала мне, я отвечала ей, а она — ему. Иногда с комментариями, которые никто не просил.

«Леонардо: спроси, как её статья».

«Каролина: он интересуется твоим творчеством. Я бы уже выбрала кольцо».

«София: статья лучше, чем его способность соблюдать дистанцию».

«Каролина: передала только первую часть. Я гуманист».

Через неделю я застала его возле библиотеки. Он стоял с телефоном и хмурился.

— Ты понимаешь, что Каролина берёт с меня плату за каждое сообщение? — спросил он вместо приветствия.

— Надеюсь, по рыночному тарифу.

— Она требует билеты на матч.

— У неё предпринимательская жилка.

Он шагнул ближе, но оставил между нами достаточно места. Я заметила запах свежего мыла и холодного воздуха, застрявшего в его куртке. Почему я это заметила, лучше не спрашивать.

— София, я правда хочу узнать тебя получше.

Моё сердце сделало глупый, совершенно непрофессиональный прыжок.

— Я занята учёбой.

— Я понял. Когда ты свободна?

Я открыла ежедневник.

— В пятницу после пяти.

— Отлично.

— Через две недели.

Он уставился на меня.

— Ты планируешь жизнь как премьер-министр.

— У премьер-министра хотя бы есть помощники.

— Я приглашаю тебя на свидание.

Это слово повисло между нами. Я внезапно стала очень хорошо слышать собственное дыхание.

— Нет, — ответила я.

Он перестал улыбаться.

— Потому что я тебе не нравлюсь?

Я могла сказать «да». Это было бы безопасно. Вместо этого сказала правду, только не всю:

— Потому что у меня есть планы. Большие. И я не собираюсь превращать их в приложение к чьей-то футбольной карьере.

Леонардо долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул.

— Тогда не свидание. Интервью. Для твоей статьи. Ты задаёшь вопросы, я отвечаю. Никаких обязательств.

— Ты считаешь, что мне нужно одолжение?

— Нет. Считаю, что ты задашь вопросы, на которые мне захочется ответить.

Я отвела взгляд. Это было нечестно: так точно угадывать мою слабость.

— Один час. В пятницу. Через две недели.

— Сколько вопросов?

— Пока двадцать семь.

Он приложил ладонь к сердцу.

— Мама говорила, что журналистов надо опасаться.

— Умная женщина.

Когда я уходила, он тихо сказал:

— И всё-таки я рад, что сбил твой кофе.

Я обернулась.

— А я пока не решила, стоит ли тебе за это благодарить судьбу.

Он рассмеялся. И я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ. Дома я открыла ноутбук, чтобы работать над вопросами, но несколько минут просто смотрела на пустой экран.

Это было плохо. Очень плохо. Валенти становилось слишком много: в коридорах, в разговорах с Каролиной, в моих мыслях. Я не собиралась влюбляться. Особенно в человека, которому, казалось, принадлежала половина города.

Глава 4. Двадцать семь вопросов.

София. Сорок лет назад.

В назначенную пятницу я пришла в маленькое кафе напротив спортивного комплекса за двадцать минут до встречи. На столе лежали блокнот, запасная ручка, диктофон и двадцать семь вопросов, аккуратно пронумерованных. Каролина назвала подготовку «допросом с пристрастием». Я предпочитала выражение «профессиональная дисциплина».

Леонардо пришёл вовремя. Это меня расстроило: я уже приготовила остроумную речь об уважении к чужому времени.

— Ты рано, — заметил он.

— А ты не опоздал. Неожиданный поворот сюжета.

Он сел напротив и положил на стол телефон экраном вниз.

— Весь твой час, Ринальди.

— Если ответы будут плохими, продлим.

— Ты ужасный человек.

— Вопрос первый. Почему футбол?

Он улыбнулся привычной улыбкой, готовой для газет: мяч с детства, мечта, труд. Я слушала, не перебивая, потом отложила ручку.

— Это ответ для пресс-службы. А я спросила тебя.

Он замолчал. За окном проехал трамвай. Леонардо посмотрел на свои ладони.

— Потому что на поле я не сын Витторио Валенти. Не младший брат Алессандро. Не человек, которому всё досталось. Если я не добегу до мяча, фамилия не поможет.

Я включила диктофон заново.

— Вот теперь можно начинать.

Вопросы шли один за другим. Он рассказывал о страхе перед первым выходом на большой стадион, о поражениях, после которых не мог заснуть, о том, как отец старался бывать на матчах, но иногда улетал по делам, а мать неизменно присылала сообщение: «Поел?». Я неожиданно смеялась чаще, чем планировала.

На двенадцатом вопросе я спросила о номере.

— Почему девяносто девять? Ты мог выбрать красивую десятку.

Леонардо провёл большим пальцем по краю чашки.

— Когда мне было лет двенадцать, тренер сказал: «Ты талантлив, но ведёшь себя так, будто уже достиг вершины». Я тогда страшно обиделся. Дома отец показал мне старую лестницу в саду. На верхней ступеньке не хватало доски — её собирались заменить. Он сказал: «Представь, что ты дошёл до девяносто девятой. Если решишь, что это последняя, остановишься. А настоящая сотая — та, которую ты должен построить сам».

Он усмехнулся.

— С тех пор мне нравится девяносто девять. Это напоминание, что всегда есть ещё одна ступенька. Даже когда все вокруг уверяют, будто ты уже на вершине.

Я некоторое время не писала. За его словами вдруг проступил не избалованный наследник, а мальчик, который боялся однажды перестать расти.

— Значит, номер не про то, чего тебе не хватает, — сказала я. — А про то, что ты не имеешь права перестать искать.

Он поднял глаза.

— Да. Именно.

Вопрос девятнадцатый был о самом важном человеке в его футбольной жизни. Я ожидала услышать имя знаменитого тренера. Леонардо назвал Маттео Конти.

— Кто он?

— Мой друг. Мы играли во дворе ещё детьми. У него была одна пара бутс на два сезона, а у меня — новые почти каждый год. Однажды накануне отбора у меня разошлась подошва. Я злился, что не успею купить другую пару. Маттео снял свои бутсы и протянул мне.

— А сам?

— Сказал, что побегает в старых кроссовках. Они были дырявые. Я отказался. Он обозвал меня принцем и заявил, что если я упущу шанс из-за обуви, он меня прибьёт.

Леонардо улыбнулся, но глаза у него стали влажными.

— Я прошёл отбор. А он потом неделю ходил с натёртыми ногами. Его мама работала уборщицей, отец долго болел. У них не было денег на новые бутсы. Когда я попытался подарить ему пару, он разозлился. Сказал, что дружбу не покупают.

— И что ты сделал?

— Попросил тренера дать нам обоим подработку на летних детских сборах. Мы заработали деньги сами. Он купил бутсы. А мне отдал свои старые шнурки — на удачу. Я до сих пор храню их.

Я осторожно выключила диктофон.

— Можно об этом написать?

— Если Маттео разрешит. Я не хочу, чтобы люди жалели его. Он ненавидит жалость.

Я кивнула. Впервые за весь час мне захотелось не задать следующий вопрос, а просто посидеть рядом с этим человеком и помолчать.

— Ты не такой, каким кажешься, — вырвалось у меня.

— А каким кажусь?

— Самовлюблённым идиотом.

— Это уже прогресс. Раньше ты не делала оговорок.

Я рассмеялась. Он смотрел на меня с такой открытой радостью, что я вдруг ощутила тепло в щеках.

Когда двадцать седьмой вопрос закончился, Леонардо не встал.

— А теперь мой вопрос, — сказал он.

— У нас был договор.

— Один вопрос не разрушит твою карьеру. Почему ты ни разу не пришла на мой матч?

Я отвела взгляд к окну.

— Потому что футболистов много, а диплом у меня будет один.

Он рассмеялся, но не сразу.

— Я хотел бы, чтобы ты однажды увидела меня на поле.

— Я видела записи.

— Запись не слышит, как бьётся сердце перед свистком.

Эту фразу я записала уже после интервью, дома, на последней странице блокнота. Не для статьи. Для себя.

Материал я переписывала три ночи. Не хотела сделать из Леонардо ни безупречного героя, ни избалованного наследника. Я хотела показать человека, который боялся не оправдать ожиданий и всё равно выходил на поле. Маттео согласился на публикацию истории, но попросил не указывать финансовые подробности его семьи. Я уважила просьбу.

Синьор Ферретти прочитал текст молча. Потом перечитал начало. Я стояла у его стола, чувствуя, как холодеют ладони.

— Ринальди, — произнёс он наконец, — вы впервые перестали писать о футболисте и начали писать о человеке.

Я не сразу поверила услышанному.

— Это хорошо?

Он поднял бровь.

— Если вам необходимы аплодисменты, идите в театр. Но да, это лучшая работа, которую вы мне сдавали. Я рекомендую её редактору студенческой газеты.

Я вышла из кабинета, дошла до лестницы и только там позволила себе подпрыгнуть от радости. Каролина, увидев меня, испугалась.

— Что? Тебя отчислили?

— Меня публикуют!

Она завизжала и обняла меня так крепко, что у меня хрустнули рёбра.

Через неделю статья вышла под заголовком «Девяносто девятая ступень». Моё имя стояло под ним. Маленькими буквами. Но это было моё имя, напечатанное под моим текстом. Я купила три экземпляра газеты: один родителям, один себе и один, который никому не собиралась показывать, — на случай, если первый окажется с пятном от кофе.

Леонардо нашёл меня во дворе колледжа. В руках у него была газета, сложенная пополам.

— Ты сделала меня лучше, чем я есть, — сказал он.

— Нет. Просто задавала вопросы, пока ты не перестал изображать героя рекламного плаката.

Он смотрел на меня, не улыбаясь.

— Спасибо, София.

Я вдруг не нашлась с ответом. Он протянул руку и осторожно убрал с моего рукава прилипший сухой лист. Это движение было совершенно невинным. Но сердце моё повело себя так, будто ему предложили прыгнуть с крыши.

— Мы ведь можем быть друзьями? — спросила я поспешно.

Леонардо медленно убрал руку.

— Если это то, чего ты хочешь.

Я кивнула слишком быстро.

— Именно.

Он тоже кивнул. И впервые его улыбка показалась мне немного грустной.

***

Леонардо. Сорок лет назад.

Я привык, что обо мне говорят. В колледже, в раздевалке, на семейных ужинах. Кто-то обсуждал мои голы, кто-то — фамилию, кто-то заранее решал, каким человеком я обязан стать. Но когда я увидел статью Софии, мне впервые показалось, что кто-то не говорит обо мне, а действительно слушает.

Я читал её трижды. Особенно ту часть, где она написала, что номер девяносто девять — не знак почти достигнутого совершенства, а обещание продолжать путь. Я сам не сумел бы сформулировать лучше.

Дома в тот вечер собрались родители, Алессандро и Бьянка. Отец вернулся из деловой поездки, мать настояла на ужине без телефонов. В нашей семье это было сложнее, чем подписать международный контракт.

— Леонардо, — сказала мама, разливая суп, — ты сегодня какой-то довольный.

— Он забил? — спросил Алессандро.

— Нет.

— Тогда влюбился, — заключила Бьянка.

— Ты можешь хотя бы один ужин не лезть в мою жизнь?

— Не могу. У меня салон красоты, я профессионально замечаю перемены в лицах.

Отец усмехнулся. Он был строгим человеком, но никогда не требовал, чтобы я отказался от футбола ради бизнеса. Ему было важно другое: чтобы я понимал цену обещаний и не думал, будто наша фамилия избавляет от ответственности.

— Кстати, — сказал он, откладывая салфетку, — сегодня мне звонил Риккардо Моретти. Его партнёры видели статью о тебе в студенческой газете. Переслали друг другу. Удивились, что молодой журналист сумел написать без привычной лести.

Я поднял глаза.

— София Ринальди.

Мама заметила, как быстро я произнёс её имя.

— Ты знаком с автором?

— Да. Она учится со мной в колледже. На журналистике.

— Хорошая работа, — сказал отец. — Особенно история о Маттео. Она спросила его разрешения?

— Да. Сама.

Отец кивнул с явным одобрением.

— Значит, понимает, что доверие важнее красивой цитаты.

— И симпатичная? — спросила Бьянка.

— Бьянка! — одёрнула её мама, но улыбнулась.

— Я всего лишь уточняю профессиональные детали.

Алессандро откинулся на спинку стула.

— Брат, ты краснеешь.

— Это от супа.

— Он холодный, — невозмутимо заметила мама.

Предатели. Все до единого.

После ужина отец позвал меня на террасу. В саду пахло влажной землёй. Он долго смотрел на деревья, прежде чем заговорить.

— Мне понравилось, как она написала о твоём номере.

— Она хорошо слушает.

— Это редкий дар. Особенно среди тех, кто хочет прославиться.

Я засунул руки в карманы.

— Она хочет стать журналисткой. Очень хорошей. И не собирается отказываться от этого ради кого-либо.

Отец повернулся ко мне.

— Правильно делает.

Я удивился. Он заметил.

— Ты думал, я скажу, что девушка должна следовать за тобой по всему свету? Леонардо, твоя мать отказалась переезжать со мной в Лондон, когда я получил первое большое предложение. Я тогда считал, что она мешает моей карьере. Оказалось, она спасла наш брак, потому что заставила меня впервые спросить, чего хочет она.

Он положил ладонь мне на плечо.

— Если тебе дорога эта девушка, не превращай её мечту в препятствие для своей.

В гостиной мама смеялась над очередной шуткой Бьянки. Я смотрел на свет в окнах и думал о Софии, которая могла отказать мне в номере телефона, но сумела задать вопрос, от которого у меня до сих пор щемило в груди.

— Мама хочет с ней познакомиться, — добавил отец.

— Зачем?

— Потому что статья ей понравилась. И потому что твоя сестра уже полчаса строит теории.

— Мы просто друзья.

Отец слегка улыбнулся.

— Тогда, сын, тебе предстоит очень непростая дружба.

Я не ответил. Потому что впервые за долгое время не знал, как получить то, чего хотел. На поле существовали правила, тренировки, стратегия. С Софией Ринальди всё это не работало.

Глава 5.Билет не на свидание.

София. Сорок лет назад.
После публикации всё стало хуже. В хорошем смысле. И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.